

Научная статья

УДК 821.054.7.0

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-1-56-67>

<https://elibrary.ru/UARWTZ>

ОДИНОЧЕСТВО И СВОБОДА ОЛЕГА КОРОСТЕЛЕВА, ИЛИ «ОДИН ИЗ МНОГИХ ПЕРВЫХ»

© 2024 г. И.М. Невзорова

Аннотация: Слово памяти посвящено Олегу Коростелеву, руководителю Научно-исследовательского отдела Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье» (ныне «Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына»), где автор статьи работал в должности координатора (главного библиотекаря) Отдела в 2004–2007 гг.

Ключевые слова: Олег Коростелев, Библиотека-фонд «Русское Зарубежье», Георгий Адамович, Марина Цветаева.

Информация об авторе: Ирина Михайловна Невзорова — историк русской эмиграции, литературовед, член Союза писателей России, ул. Большая Никитская, 50а/5, стр. 1, 125009 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0007-1440-2894>

E-mail: irinanev@mail.ru

Для цитирования: *Невзорова И.М.* Одиночество и свобода Олега Коростелева, или «Один из многих первых» // *Emigrantica*. М.: ИМЛИ РАН, 2024. Вып. 1: Памяти Олега Анатольевича Коростелева / ред.-сост. Е.Р. Пономарев, науч. ред. Е.Р. Пономарев, М. Шруба, ред. М.С. Щавлинский, Д.В. Зайцев. С. 56–67. <https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-1-56-67>

Research Article

This is an open access article Distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 (CC BY-ND)

LONELINESS AND FREEDOM OF OLEG KOROSTELEV, OR “ONE OF THE MANY FIRST ONES”

© 2024. Irina M. Nevzorova

Abstract: These words are dedicated to the memory of Oleg Korostelev, head of the Research Department of the Russia Abroad Library-Fund (now the Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad), where the author of the article worked as the coordinator (chief librarian) of the Department in 2004–2007.

Keywords: Oleg Korostelev, Russian Abroad Libraries-Fund, Georgii Adamovich, Marina Tsvetaeva.

Information about the author: Irina M. Nevzorova, historian of Russian emigration, literary critic, member of the Russia Writer's Union. Bolshaya Nikitskaya St., 50a/5, bld. 1, 125009 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0007-1440-2894>

E-mail: irinanev@mail.ru

For citation: Nevzorova, Irina. “Loneliness and Freedom of Oleg Korostelev, or ‘One of the Many First Ones’.” *Emigrantica*. Issue 1: In memory of Oleg Korostelev, ed.-comp. E.R. Ponomarev, ed. E.R. Ponomarev, M. Schrub, manag. ed. M.S. Shchavinskii, D.V. Zaitsev. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 56–67. (In Russian) <https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-1-56-67>

Об Олеге Анатольевиче Коростелеве я впервые услышала в период работы в московском Доме-музее Марины Цветаевой в 1990-х гг. Олег слыл специалистом по Г. Адамовичу. Тема его диссертации была, как известно, «Поэзия Георгия Адамовича» (защитил в 1995 г.). И всю дальнейшую творческую жизнь от Г. Адамовича — писателя-критика и поэта — ему невозможно было уйти. Г. Адамович был главным героем Олега Коростелева.

Думается, через призму мировоззрения и литературного вкуса Г. Адамовича Олег Анатольевич воспринимал и оценивал русскую зарубежную литературу XX в. Я бы даже сказала, он смотрел на мир глазами Г. Адамовича, что вполне закономерно: исследователи обретают черты своих героев, как собаки — своих хозяев.

Георгий Адамович считается главным оппонентом Марины Цветаевой. Хотя в книге «Хроника противостояния: Марина Цветаева и Георгий Адамович» [6], составленной Олегом Анатольевичем, показано, что это не так. Г. Адамович и М. Цветаева были «два полюса одной литературы» (точнее не скажешь), — именно так он назвал свою вступительную статью к указанной книге. Этими же «полюсами» Олег пометил и всю русскую литературу в изгнании, назвав книгу своих статей, вышедшую много позднее, «От Адамовича до Цветаевой. Литература, критика, печать Русского Зарубежья» [1]. Речь идет, разумеется, не о выстроенных в алфавитном порядке русских писателей и поэтах, а обо всем философском и филологическом пространстве: от поэта-пророка до писателя-эстета.

А моим главным героем была и есть Марина Цветаева. Посему «Хронику противостояния» я изучала с карандашом в руках, беседовала и спорила мысленно как с героями книги, так и с составителем. И никак не могла предвидеть, что судьба сведет меня с ним, а «противостояние» будет спроецировано в уменьшенном масштабе в одну из комнат на третьем этаже Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье» (БФРЗ, ныне Дом Русского зарубежья имени Александра Солженицына), куда я поступила на службу в 2002 г.

Меня направили в архив, где я занималась аннотированием воспоминаний русских эмигрантов и бывших узников ГУЛАГа, переданных в свое время в Русский общественный фонд А.И. Солженицына. Научно-исследовательский отдел начал формироваться в 2004 г. Должность начальника Отдела занял кандидат филологических наук Олег Анатольевич Коростелев. Он же руководил Сектором истории литературы Русского зарубежья (в 2017 г. этот сектор выделился в Отдел истории литературы и печатного дела).

Мне предложили перейти в Отдел на должность «главного библиотекаря», которую Олег сразу переименовал в «координатора», что больше соответствовало моим обязанностям, так как мне приходилось «разруливать» все административно-бытовые ситуации, в то время как научные сотрудники занимались «наукой». Олег был чуть младше меня, мы обращались друг к другу на «Вы», по имени, но в официальных случаях прибавляли отчества для солидности.

Несколько слов о Научно-исследовательском отделе БФРЗ. Он состоял из нескольких секторов, занимавшихся определенной тематикой Русского зарубежья (РЗ): история РЗ, военная история РЗ, литература РЗ, религиозная философия РЗ, кинематограф РЗ. У сотрудников каждого сектора был один присутственный день, обычно к этому дню приурочивалось решение всех деловых вопросов. Олег Анатольевич и остальные сотрудники считали этот день зря потраченным временем, хотя приходили с нетбуками и времени зря не теряли.

Мое же положение было особое. У меня была административная должность, я должна была присутствовать каждый день, заниматься сбором планов, контролем посещаемости, отчетным материалом сотрудников Отдела (информационными массивами, статьями, книгами), доведением до сведения научных сотрудников «приказов» руководства, следить за их исполнением, отвечать на телефонные звонки, соединять заинтересованных лиц с начальником Отдела и соответствующими их проблематике начальниками секторов, а также гостеприимно, по-русски (с чаем и разговором) принимать визитеров — хранителей архивов деятелей РЗ и пр.

Поначалу я крайне серьезно относилась ко всякому приказу (будь то обязательная диспансеризация сотрудников Отдела или приказ «весело встретить новый год»), посему приставала и к Олегу. И можно вспомнить массу курьезных случаев. Потом поняла, как он сильно страдает от потери времени на то, что считает ерундой, и старалась не досаждать ему понапрасну.

Олег, в свою очередь, тоже давал мне полный карт-бланш. Не секрет, что на подобных должностях сотрудники, у коих есть уже свое исследовательское «русло», пользуясь близостью к архивным фондам, собирают материал, пишут статьи, участвуют в различных проектах, конференциях и т. д. В то время я описывала архив «Федоровского комитета» (Центральный комитет по обеспечению высшего образования русскому юношеству за границей)¹; попутно составляя биографические справки на молодых русских эмигрантов, соискателей студенческой стипендии (впоследствии они были использованы для комментирования Дневника Ирины Кнорринг [5], а также в проекте Л.А. Мнухина «Биографический словарь русской эмиграции во Франции» [2]).

Отдел только формировался, новое помещение БФРЗ шлифовалось и обставлялось мебелью — каждый выполнял свою работу. Но

¹ Архив был передан в БФРЗ в 2004 г. (ф. 013).

у Олега уже были громадные замыслы, продуманные задолго до его назначения на новую должность. Чуть ли не в первую нашу встречу он перекинул в мой компьютер (все компьютеры были объединены в сеть) список литературы, необходимой для изучения РЗ, которая должна наличествовать в читальном зале БФРЗ, со словами: «Хорошо бы это на сайт поместить». Богатейший материал, у меня аж сердце заколотилось: после участия в проекте «Русское Зарубежье. Хроника научной, культурной и общественной жизни. Франция. 1920–1975» [3] многие темы, имена, русские очаги были мне знакомы и, одновременно, досадно *малознакомы*.

Со слов «хорошо бы...» начиналась реализация всякого замысла Олега.

Олег Анатольевич, как мне казалось, с состраданием относился к моей должности (с утра до вечера пребывать в кабинете). В свой присутственный день он приходил с тортом или пирожными или приносил что покрепче, если был повод; назначал деловые встречи; иногда появлялись сотрудники нашего сектора.

За чаем, или когда Олег просматривал почту за компьютером напротив, случалось много интересных разговоров. Часто он беседовал сам с собой, будто забыв о моем присутствии (а может, наоборот, имея в виду наличие слушателя).

Меня всегда удивляла патологическая искренность Олега и то, с каким юмором и наслаждением он умеет «поставить диагноз» очередной рабочей, бытовой или личной проблеме. Иные его рассуждения были столь оригинальны и пикантны, что и на бумагу их не рискнешь перенести. Иногда он произносил вдохновенные монологи о нашей жизни или жизни наших героев — русских эмигрантов. Если же он не хотел отвечать на вопрос или о чем-либо говорить, то «уходил в молчанку», и какого мнения о нем собеседник — его вовсе не интересовало.

В какой-то момент я узнала, что Олег работает в глянцевого журнала, он был выпускающим редактором (самая «собачья» должность — ответственная и трудоемкая). Купила специально пару выпусков «XXL», не поленилась прочитать, чтобы оценить уровень (мужской журнал высшего класса!). Когда зашла об этом речь, он сказал: «А на что бы я жил? Этого хватает только на квартплату (он снимал жилье в Москве) и на выпивку по выходным». Олег был малословен и четок в речах и мыслях. И потому часто его фразы впечатывались в память.

С Олегом мы быстро нашли общий язык хотя бы потому, что пришли в литературу от естественной, точной науки. Как известно,

он окончил Педагогический институт в Новосибирске по специальности «Биология, химия»; а я — Московский инженерно-физический институт (МИФИ), факультет Кибернетики (наука управления).

«Наука помогает понять мир внешний, литература — мир внутренний». «Есть только один вид творчества — это философия; все остальные — его разновидности». Авторства этих двух мудростей не знаю. Посему я воспринимала Олега как подвижника от естественных наук (имевшего и «высшее литературное») и философа от литературы. Мое восприятие подтверждает одна из сентенций, высказанных им однажды: «Нет более мерзких людей, чем литературоведы!» — «Олег! Как же так? Вы же сами — литературовед», — воскликнула я. «Я — не настоящий литературовед», — парировал крупнейший «эмигрантик». В характере Олега не было мелочности и тщеславия (именно эти качества, думаю, он имел в виду, досадуя таким образом на «литературоведов»).

Но более того меня поначалу удивляло, что ему — при его страсти к свободе (к свободному мыслиеизложению) — вообще удалось социализироваться, пребывать в бесконфликтных отношениях с начальством и подчиненными и даже занимать руководящие должности. Секрет прост: он умел молчать, был достаточно умен, чтобы не лезть на рожон, умел быть абсолютно хладнокровным и мудрым в разговорах с властью имущими для достижения своей цели. А цели его были исключительно исследовательского и издательского характера.

Помню массу смешных эпизодов. Так, редактируя статьи для очередного сборника, о статье одной из известных нам исследовательниц он с восхищением произнес: «Вот С. пишет — все четко, ясно, нет вопросов». И тут же о другой: «А У. читаешь...» — на лице Олега отразилась неподдельная мука, будто через колючий кустарник он пробирается. Примерно так он и характеризовал писание У.: «С таким скрипом пробираться, чтобы суть понять...».

В другой раз я сообщила Олегу, что ему не раз звонила женщина, которая хочет в нашем Отделе работать. Ее «научное имя» было никому не известно (как потом выяснилось, его не было). Наконец она добилась, чтобы Олег назначил ей встречу. Их разговор происходил в нашем кабинете. Довольно быстро стало понятно, что «соискатель» слабо владеет темой, масштаба той или иной работы не представляет, обладает «легковесностью» (если не сказать — глупостью). После ее ухода Олег был взволновал (взбешен) как никогда. И, обращаясь ко мне, произнес: «Ни в коем случае ее не будет в на-

шем отделе, кто бы ее ни привел. Если она еще объявится, гоните ее».

Итак, Олег (как и я) перешел от изучения внешнего мира к миру внутреннему — через литературу, сохранившую мировоззренческий простор. Такой простор мог сохраниться только в литературе РЗ. Ради возможности думать и творить без указки и подсказки наши сограждане пожертвовали родиной или были изгнаны с родной земли. Этот простор охватывает и перерождает самих исследователей РЗ. Говорят, что Олег «увлекся» литературой Русского зарубежья. В данном случае слово «увлечение» неприменимо. Это была страсть. Великая страсть, на которой он себя сжигал без остатка. Повторю, что страсть прекрасно сочеталась с цинизмом, если речь шла о стонных проблемах, встающих на пути продвижения дела РЗ.

Кажется, он работал круглосуточно. По словам Олега, он был со-вой. «Сидишь часов до трех, потом видишь — уж светает, вроде надо спать что ли».

Не раз Олег намекал мне, что надо не полениться, мобилизовать свои силы и получить высшее литературное образование. Мол, пока я не обрету научный статус, ждать серьезного отношения к себе не стоит. И я — с его благословения — стала соискателем МГПУ имени М.А. Шолохова (благо он соседствует с БФРЗ), а также записалась на курсы французского языка (что пригодилось в дальнейшем при работе с архивом Кноррингов).

Склонность к точным наукам, несомненно, помогала Олегу в организации и реализации очередного проекта.

Известно, что первыми литературными опытами Олега, кроме статей в журналах, были, по его признанию, списки: список Нобелевских лауреатов (причем он не обнаружил лауреата за 1970 г. — им стал А.И. Солженицын — что явилось поводом его первого похода в спецхран в Новосибирске), списки писателей XIX в. и XX в.; списки французских, американских, русских писателей; писателей Серебряного века [7].

Мы нередко говорили с Олегом о том, как методики, полученные в студенческие годы в техническом ВУЗе, помогают при работе с рукописями и другими архивными материалами. Среди них систематизация, структурирование, моделирование, алгоритмизация всякой проблемы и темы, создание системы вложенных программ (подпрограммы), использование итерационных методов (приближение к истине путем многократного повторения процедуры, с постоянным сужением круга допустимых значений и зоны поиска), аналоговое и/или цифровое мышление (плавный и/или дискрет-

ный подход к анализу чего-либо) и др. Но в отличие от точных наук, подчеркивал Олег, у гуманитариев не всегда присутствует «королева философии» — логика, зато в избытке «изменение вкуса».

И хотя в одном из интервью он утверждал, что «смешно смотрится человек, когда он методику одних наук переносит на другие» (в частности, методику точных наук — на гуманитарные): «Естественники <...> бывают смешны, когда они берутся за гуманитарные вопросы и пытаются применять привычные им методики в социологии, например» [7, с. 8], — тем не менее, сам он этим постоянно грешил, демонстрируя блестящий юмор, приводя яркие метафоры, что делало всякую его мысль понятной и аргументированной.

Дав согласие работать в новом Отделе, одновременно я дала (сама себе) обет: имя Марины Цветаевой не произносить. Тем более что я — мелкая птаха, а он — мэтр эмигрантики. Но продержалась я недолго. Часто, о чем бы мы ни заговаривали, вскоре оказывались в мире наших героев. И не замечали, что давно перешли от насущной проблемы на Адамовича и Цветаеву, на их мысли о судьбе России и о воскресительной, преобразовательной миссии ее величества Литературы.

А в другой раз мы незаметно оказывались в «русском Париже» времен наших героев, где нам доводилось бывать и работать, каждому по своей теме. И если я вспоминала гнилой канал², вдоль которого гуляла Цветаева с сыном, и непостижимую для нас чистоту и мирность лиц эмигрантов первой волны, то Олег вспоминал красные шаровары Адамовича и его поездки в Монте-Карло для игры в рулетку. Олег был позитивистом. И фаталистом.

Сам того не ведая, он сподвиг меня к изучению глубокой, отточенной критической прозы Георгия Адамовича — поэта, обладавшего энциклопедическими знаниями по части русской литературы и ретроспективным мышлением, потому — прозорливостью (прежде я считала Адамовича лишь «королем эстетики»). Дорогого стоят его строки о книге М. Цветаевой «После России» (1928): «Стихи Цветаевой... излучают любовь и любовью пронизаны. Они рвутся к миру и как бы пытаются заключить весь мир в объятия. Это — их главная прелесть. Стихи эти писаны от душевной щедрости, от сердечной расточительности, — не знаю, как сказать яснее. Можно, действительно, представить себе, что от стихов Цветаевой человек станет лучше, добрее, самоотверженнее, благороднее. Признаюсь,

² Сегодня канал очищен и обустроен, вокруг него создан шикарный по архитектуре и ландшафтному дизайну парк Ла-Виллетт.

я не нахожу в себе ни сил, ни желания довести эстетизм до такого предела, чтобы, сознавая это, стихи Цветаевой отвергнуть. Поэтому я их “принимаю”. И все оговорки мои не колеблют этого основного признания. Но, правда, оговорок столько, что не знаешь, с чего и начать» [6, с. 67].

Перекличку (а вовсе не противостояние) наших героев продолжает последняя запись Цветаевой перед отъездом в СССР (сделана 2 июня 1939 г.) — это стихи Г. Адамовича с пометкой «Себе на память... Чужие стихи, но кот<орые> местами могли быть моими. МЦ»:

...Был дом, как пещера. И слабые, зимние,
Зеленые звезды. И снег, и покой...
Конец. Навсегда. Обрывается линия.
Поэзия, жизнь! Я прощаюсь с тобой.

1927 [8, с. 388]

«Одиночество и свобода» — название программной вступительной статьи и всей книги критической прозы Г. Адамовича, вышедшей в издательстве им. Чехова в 1955 г. В 2002 г. Олег Коростелев подготовил ее републикацию, дополнив перепиской, комментариями и другим материалом [4]. В статье Адамовича речь идет об *одиночестве* русских писателей в эмиграции, об отсутствии диалога с собратьями по ремеслу в советской России.

Вынесенное же мною в заглавие сей статьи *одиночество* Олега, при его мощной мужской харизме, подразумевает чисто земное, житейское одиночество (отсутствие якорей, стальных нитей, семейного долга). По его рассказу, в молодости («в той жизни») он женился на девушке, которую готовил в институт. «Зачем я это сделал?» — добавил Олег. Родилась дочь... Видимо, только одиночество давало ему не просто свободу, но возможность реализовывать *мировоззренческую* свободу, которую он и положил на алтарь наследия русской эмиграции. «Большому кораблю — большое плавание», — Олег уехал из Новосибирска в Москву. «Надо было сразу в Америку», — сетовал он в шутку и всерьез, имея в виду близость к Бахметевскому и другим архивам, а также их доступность.

Почему Олега, как и многих, притягивало к себе наследие эпохи первой волны русской эмиграции? По Адамовичу, это была «эпоха-экзамен», «эпоха-испытание» [4, с. 20]. Можно сказать, наследие этой эпохи есть «гамбургский счет» культурного наследия России.

Адамович, кстати, дал ответ на вечный вопрос: почему писатели Русского зарубежья не оставили ни одного великого романа о себе, о «злободневном». Но злободневность имеет сиюминутный характер. А каждый писатель, погружаясь «в истоки своего падения и воскрешения», в поиске опоры, истины, думает не о месте своего нового проживания, а переносится в *ту* Россию. Ибо истина (вечное, классическое) осталась в *той* России, которой больше нет. По Адамовичу: «Мы стоим на берегу океана, в котором исчез материк» [4, с. 16]. По Цветаевой: «Можно ли вернуться / В дом, который — скрыт?» [9, т. 2, с. 291].

Наши герои думали и о нас. Одно из стихотворений, адресованных потомкам, Цветаева назвала «Тебе — через сто лет» (1919 г.). Адамович же писал в 1954 г., что «единственно правильное отношение к эмигрантской литературе установится у наших внуков и правнуков» [4, с. 7], и надеялся, что молодежь, если она «действительно отражает и несет в себе русское будущее... отнесется к трудам, мечтам и мыслям писателей-эмигрантов в первые десятилетия после революции с тем же доверием или хотя бы вниманием, с каким думаем о будущем мы» [4, с. 42].

Олег указал на самый важный инструмент, которого не хватает исследователям Emigrantica, тем самым определив нашу главную задачу: «составление объединенной библиографической базы, учитывающей все публикации и исследования по Русскому зарубежью» (тогда будет обозначена и степень изученности того и иного вопроса). При этом он делал акцент на так называемом «мертвом сезоне» (1988–1998 гг.) и придавал особое значение малотиражным изданиям этого периода: «До 1988 г. все публикации отражались в отечественных библиографических изданиях, а после 1998 г. — в интернете...». А десятилетие 1988–1998 гг. «были как раз те годы, когда изучение шло бурно, спонтанно, уже можно было печатать, многие печатали. И именно материалы этих первых лет остались неучтенными библиографически» [7].

«Героем труда» назвала бы Марина Цветаева³ Олега Коростелева, положившего свою жизнь на исследование Emigrantica. Он же назвал себя скромно: «одним из многих первых» [7].

³ Речь идет об очерке М. Цветаевой «Герой труда», посвященном поэту, переводчику и критику Валерию Брюсову.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

1. Коростелев О.А. От Адамовича до Цветаевой: Литература, критика, печать Русского зарубежья. СПб.: Изд-во им. Н.И. Новикова, 2013. 492 с.
2. Российское зарубежье во Франции, 1919–2000: Биографический словарь: в 3 т. / под общ. ред. Л.А. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. М.: Наука; Дом-музей Марины Цветаевой, 2008–2010.
3. Русское Зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни: 1920–1975: Франция: в 8 т. / под ред. Л.А. Мнухина в сотрудничестве с Т.Л. Гладковой, Т.И. Дубровиной, В.К. Лосской, И.М. Невзоровой, А.И. Серковым, Н.А. Струве. Париж: YMCA-Press; М.: Русский путь, 1994–2002.

Источники

4. Адамович Г.В. Одиночество и свобода / сост., послесл., примеч. О.А. Коростелева. СПб.: Алетейя, 2002. 476 с.
5. Кнорринг И.Н. Повесть из собственной жизни: в 2 т. / подгот. текста Н.Н. Кнорринга, Н.М. Черновой; вступ. ст., коммент., аннотир. указ. имен И.М. Невзоровой. М.: Аграф, 2009, 2013. (Серия: Символы времени)
6. Марина Цветаева — Георгий Адамович: Хроника противостояния / предисл., сост., примеч. О.А. Коростелева. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2000. 188 с.
7. Неутомимый: Интервью Олега Коростелева Ивану Толстому // *Emigrantica et cetera*. К 60-летию Олега Коростелева. М.: Изд-во Дмитрий Сечин, 2019. С. 5–24.
8. Цветаева М.И. Неизданное. Семья: История в письмах / сост., подгот. текста, коммент. Е.Б. Коркиной. М.: Эллис Лак, 1999. 592 с.
9. Цветаева М.И. Собр. соч.: в 7 т. М.: Эллис Лак, 1994. Т. 2.: Стихотворения. Переводы. 591 с.

REFERENCES

1. Korostelev, O. *От Adamovicha do Tsvetaevoi: Literatura, kritika, pechat' Russkogo zarubezh'ia* [From Adamovich to Tsvetaeva: Literature, Criticism, Press of the Russian Abroad]. St. Petersburg, Izdatel'stvo imeni N.I. Novikova Publ., 2013. 492 p. (In Russian)
2. Mnukhin, L., M. Avril', and V. Losskaia, editors. *Rossiiskoe zarubezh'e vo*

Frantsii, 1919–2000: Biograficheskii slovar': v 3 t. [Russian Abroad in France, 1919–2000: Biographical Dictionary: in 3 vols.]. Moscow, Nauka Publ., Dommuzei Mariny Tsvetaevoi Publ., 2008–2010. (In Russian)

3. Mnukhin, L. et al., editors. *Russkoe Zarubezh'e: Khronika nauchnoi, kul'turnoi i obshchestvennoi zhizni: 1920–1975: Frantsiia: v 8 t. [Russian Abroad: Chronicle of Academic, Cultural, and Public Life: 1920–1940. France: in 8 vols.].* Moscow, Paris, YMCA-Press Publ., Russkii put' Publ., 1994–2002. (In Russian)

Дата поступления статьи: 11 сентября 2021 г.

Дата одобрения рецензентами: 21 марта 2022 г.

Дата публикации: 07 октября 2024 г.

Received: September 11, 2021

Approved: March 21, 2022

Date of publication: October 07, 2024